

не ратифицировались законодательными органами обеих сторон, нося зачастую характер соглашения военных властей, то они действовали только на период этой войны, а гарантами их соблюдения выступали нейтральные государства. Иногда заключение того или иного акта проходило без соблюдения принципов свободы и равенства сторон договорного процесса под действием репрессалий страны-инициатора.

Список использованных источников:

1. Dokumente zum Humanitären völkerrecht — Documents on international humanitarian law. — Genf: Rote Kreuz, 2007. — 1090 S.
2. Haager Landkriegsordnung vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. — 1910. — S. 132.
3. Zehntes Haager Abkommen, betreffend die Anwendung der Grundsätze des Genfer Abkommens auf den Seekrieg, vom 18. Oktober 1907 // Reichsgesetzblatt. — 1910. — S. 283.
4. Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode. II Session: in 460 Bd. / gedruckt J. Sittenfeld. — Berlin: Norddeutschen Buchdruckerei und Verlag-Anstalt, 1914–1918. — Bd. 320: Anlagen zu den Stenographischen Berichten. — S. 999–1310.
5. Борботько, П.В. Попытка проведения международного военного трибунала над военными преступниками после окончания Первой мировой войны / П.В. Борботько, В.И. Пушкин, А.А. Сухарев // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. — 2005. — № 2(36). — С. 33–37.
6. Действующее международное право: в 3 т. / сост.: Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. — М.: Изд-во Московск. независ. ин-та междунар. права, 1999. — Т. 2: Вооруженные конфликты и международное право. — С. 575–586.
7. Genfer Abkommen zur Verbesserung des Loses der Verwundeten und Kranken bei den im Felde stehenden Heeren, vom 6. Juli 1906 // Reichsgesetzblatt. — 1907. — S. 279.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю.С. Бутримова

Право интеллектуальной собственности — динамическая отрасль права, постоянно развивающаяся и совершенствующаяся. Многие международные акты, принятые еще в прошлом, остаются актуальными и продолжают действовать по настоящее время. Одним из первых и ключевых международных соглашений в области охраны интеллектуальной собственности является Парижская конвенция 1883 года. Именно с ее принятием связывают начало становления международно-правовой системы защиты интеллектуальной собственности. Не оспаривая данного утверждения, некоторые исследователи все же обращают внимание на ценность Конвенции, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС), Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений.

Таким образом, цель исследования заключается в следующем: проанализировать и обобщить существующие международные нормы и нормативные акты, регулирующие охрану интеллектуальной собственности, включая такие международные организации, как ВОИС, Всемирная торговая организация (ВТО), Международный союз промышленной собственности и другие; изучить правовые основы, механизмы и принципы международного сотрудничества в области защиты авторских прав, патентов, товарных знаков и других объектов интеллектуальной собственности; определить роль и значение международных договоров и соглашений для гармонизации национальных систем защиты интеллектуальной собственности.

Материалом исследования послужили такие международные соглашения и конвенции, как Парижская и Бернская, договоры ВОИС, соглашения ВТО (TRIPS), а также национальное законодательство, гармонизированное с международными стандартами, научные статьи, правовые обзоры и аналитические отчеты, связанные с международной охраной интеллектуальной собственности.

Анализируя процесс принятия международных договоров в сфере охраны интеллектуальной собственности, можно проследить динамику развития объектов правового регулирования. В числе первых были обозначены литературные и художественные произведения, которые нашли свое отражение в положениях Бернской конвенции. Впоследствии авторское право получило более широкое регулирование в рамках Всемирной конвенции об авторском праве, согласно которой государства приняли на себя обязательства по охране прав авторов произведений в том же объеме, в каком охрана предоставляется национальным авторам в соответствии с законодательством каждого государства. Перед глобальным сообществом стояла задача по обеспечению охраны прав авторов и признанию недопустимости их нарушения на территории других государств. С дальнейшим стремительным развитием науки и техники был принят ряд новых международных соглашений, включая Конвенцию о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники. Основой для ее принятия послужила Международная конвенция электросвязи. В последующие годы разрабатываются международно-правовые договоры, направленные на охрану прав авторов, исполнителей, производителей фонограмм. Параллельно в целях унификации подходов в области патентования приняты специализированные международные акты. Это, например, Страсбургское соглашение о Международной патентной классификации, представляющее собой значительный шаг в сторону унификации правового регулирования в узкой и технически сложной области патентования. Страсбургское соглашение стало логическим продолжением и конкретизацией положений Европейской конвенции по Международной классификации патентов на изобретения 1954 года.

Не углубляясь в исследование всех международных договоров, посвященных охране тех или иных результатов интеллектуальной деятельности,

необходимо отметить, что в большинстве своем они не предполагали выработку единых норм, которые доминировали бы по отношению к нормам национального законодательства. Кроме того, важным ограничением любого международного договора, вне зависимости от значимости и приемлемости его положений, является ограниченность сферы действия. Каждый международный договор вступает в силу на территории конкретного государства только в том случае, если государство присоединяется к нему и ратифицирует его. То есть даже при наличии целой совокупности международных соглашений не удастся в полной мере достичь цели унификации права и выработки единых, обязательных для всех государств требований [1]. Тенденции последних лет свидетельствуют о том, что международное сотрудничество в данной сфере чаще достигается через двусторонние или многосторонние соглашения с участием ограниченного круга государств. Вследствие этого для стран, не ратифицировавших соответствующий договор, он не имеет юридической силы и не оказывает практического воздействия.

Унификация законодательства представляется очевидной. Несмотря на то, что каждое государство обладает суверенным правом самостоятельно определять подходы к регулированию правоотношений на своей территории, включая те, что осложнены иностранным элементом, в условиях растущей значимости таких отношений усиливается риск коллизий между национальными правовыми системами. В подобных случаях возникает потребность в достижении правового компромисса, который становится возможным лишь при условии формирования единого, согласованного подхода к международному правовому регулированию. Среди ключевых проблем, препятствующих развитию и унификации международного права в сфере интеллектуальной собственности, особую актуальность приобретает нарастающая конфронтация между государствами и обострение глобальной политической обстановки, что особенно отчетливо проявляется в последние годы. В результате ухудшения международных отношений происходят разрывы союзов, государства выходят из ранее заключенных соглашений или отказываются от участия в новых договорах. Это существенно сужает возможности эффективной правовой защиты интересов правообладателей. Отказ от соблюдения международных договоренностей влечет за собой утрату правового инструментария, необходимого для применения, совершенствования и унификации норм международного права. Ряд исследователей делает акцент на том, что подобная тенденция — отказ от исполнения международных обязательств — не только ослабляет систему охраны интеллектуальной собственности, но и способствует росту нарушений, в том числе пиратства и незаконного использования объектов интеллектуальной собственности. Следует отметить, что недостаточная проработанность действующих международных соглашений, включая те, которые касаются не только вопросов защиты интеллектуальной собственности, но и терминологического аппарата, представляет собой серьезное

препятствие для эффективного развития правовых отношений в данной сфере. Проблема заключается в том, что положения национального законодательства отдельных государств могут существенно расходиться с нормами международного права. При этом сами международно-правовые акты нередко содержат пробелы регулирования, поскольку отдельные аспекты интеллектуальной собственности изначально определены как подлежащие регламентации исключительно на уровне национального законодательства. Такая несогласованность мешает формированию единого подхода и затрудняет правоприменение в трансграничных правоотношениях.

Следующий аспект, наглядно свидетельствующий об определенной отсталости и недостаточной адаптивности международных договоров в сфере интеллектуальной собственности к современным реалиям, — это их неспособность оперативно реагировать на стремительное развитие цифровых технологий и глобализацию информационного пространства. Трансграничный характер сети Интернет делает невозможным эффективное решение вопросов охраны авторских прав в рамках национального права, выводя данную проблему на уровень международно-правового регулирования. В условиях цифровой среды автор, являясь гражданином одного государства, может постоянно проживать в другом, размещать свои произведения на серверах, расположенных в третьей стране, а защищать нарушенные права — в четвертой. Такая многоуровневая структура взаимодействий актуализирует необходимость применения норм международных соглашений и коллизионного права. Бернская конвенция в ст. 5(1) закрепляет принцип национального режима, согласно которому произведения, страной происхождения которых является государство-участник Бернского союза, подлежат охране на территории других стран-участниц на тех же основаниях, что и произведения собственных граждан. В положениях Конвенции можно усмотреть коллизионные нормы, такие как право страны происхождения произведения (применимое, например, при установлении авторства на иностранное произведение) и право страны, в которой испрашивается защита (применимое при определении видов и объема неимущественных прав иностранного автора). Согласно ст. 5(4) Конвенции, страной происхождения признается государство, где впервые было опубликовано произведение. Соответственно, охрана в стране происхождения регулируется исключительно ее национальным законодательством. Например, если произведение было впервые опубликовано белорусским автором в Беларуси, международные нормы здесь не применяются. Но если произведение создано на территории Беларуси, а нарушение авторских прав этого произведения произошло за пределами страны, то имеет место иностранный элемент.

Между тем возникает вопрос: как определить страну происхождения произведения, если оно впервые было опубликовано в сети Интернет? В отношении кинематографических произведений это решается согласно статье 5 Бернской конвенции — таковой признается страна Союза, в которой

изготовитель имеет свою штаб-квартиру или постоянное место жительства. Однако касательно других объектов авторского права ситуация значительно сложнее. В частности, затруднительно определить, какая страна будет считаться страной происхождения: страна, из которой произведение было загружено в сеть; страна, к которой принадлежит национальный домен сайта (например, .ru, .fr, .jp); страна, на территории которой физически располагается сервер, загруженный произведением. Каждый из перечисленных подходов имеет технические и юридические слабости. Так, страну загрузки можно попытаться установить по IP-адресу пользователя, но в условиях переадресации и использования VPN эти данные будут искажены. Национальная принадлежность доменов также не всегда является надежным критерием, поскольку помимо национальных существует множество общих и тематических доменов (.com, .org, .info и др.), не связанных с конкретной территорией. Более того, не всегда получается установить страну-местоположение сервера, поскольку посредством использования технологии «облачного» хранения данные могут одновременно размещаться на серверах, находящихся в разных странах: например, часть контента хранится в Китае, а другая — в США. Таким образом, установить территориальную принадлежность произведения, впервые опубликованного в Интернете, зачастую нелегко. В связи с этим оправданной выглядит позиция ряда отечественных и зарубежных исследователей, которые предлагают рассматривать Интернет как особое международное пространство, не подпадающее под исключительный суверенитет какого-либо отдельного государства. Представленный подход открывает путь к более гибким и универсальным механизмам правового регулирования в цифровой среде.

Отсутствие правового регулирования интеллектуальной собственности в глобальной цифровой среде вовсе не означает, что охрана авторских прав не работает. Бернская конвенция предусматривает обязательный минимум прав автора, который каждая страна-участница должна признавать на своей территории. К числу обязательных прав, подлежащих признанию на территории всех стран-участниц, относятся: право на имя и авторство (т.е. признание авторства за конкретным лицом и возможность требовать указания его имени при использовании произведения); право на неприкосновенность произведения (т.е. защита произведения от искажений, извращений и иных изменений, способных нанести ущерб чести и достоинству автора); исключительные имущественные права, такие как право на воспроизведение, публичное исполнение, право на перевод и адаптацию, право на распространение. Однако несмотря на наличие этих обязательных прав, которые должны учитываться странами-участниками конвенции, на практике специфика их применения может существенно отличаться. Так, если какое-либо правомочие автора не предусмотрено национальными законами страны, где испрашивается правовая защита, автор не может требовать предоставления ему подобного правомочия, даже если в его стране

подобное правомочие законом признается. Или же поскольку срок действия исключительных прав различается в отдельных странах, то может возникнуть ситуация, что произведение охраняется в одной стране и при этом является частью общественного достояния в другой.

Один из реальных споров, который демонстрирует разницу между законодательствами разных стран в сфере защиты авторских прав, связан с делом Google Books — проектом Google, который представляет собой платформу для сканирования и индексирования книг. Суть дела состояла в том, что, когда Google запустил свой проект, он сделал многие книги доступными через сеть Интернет. Однако Google не получал разрешения от правообладателей на сканирование их книг, что вызвало большое количество судебных исков со стороны авторов и издателей, которые ходатайствовали о нарушении их авторских прав. В США суды приняли решение, что действия Google подпадают под добросовестное использование (*fair use*). Это исключение позволяет использовать защищенные авторским правом материалы без разрешения владельцев, если использование материалов осуществляется, например, для образовательных или научных целей, или если это не наносит значительный ущерб владельцам прав. В 2013 году Окружной суд Южного округа Нью-Йорка постановил, что сканирование книг Google и создание базы данных с фрагментами текста не нарушает авторских прав, поскольку это не является коммерческим использованием, а скорее направлено на создание доступности и улучшение поиска. Спустя одиннадцать лет судебные тяжбы о праве Google на сканируемые книги завершились в пользу Google. В этом контексте США более гибки в подходах к авторскому праву, особенно с учетом широкого применения принципа добросовестного использования. В Европейском Союзе судебные разбирательства по делу Google Books в целом шли в пользу более строгого контроля и соблюдения прав авторов. Например, в 2016 году Суд Европейского Союза постановил, что сканирование книг Google без разрешения авторов и издателей является нарушением авторских прав, даже если доступ к ним ограничен.

Несмотря на свою фундаментальность, Бернская конвенция, принятая практически за столетие до возникновения сети Интернет, оказалась не способной детально регулировать авторские правоотношения в цифровой среде. Перед международно-правовым сообществом встала насущная задача разработать соглашение, которое регламентировало бы авторские правоотношения в эпоху Интернета, и тогда были разработаны Договор ВОИС по авторскому праву и Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам. Договор ВОИС по авторскому праву (ДАП), принятый в 1996 году, играет ключевую роль в адаптации международного авторского права к условиям цифровой эпохи. Это не самостоятельный в отрыве от Бернской конвенции, а дополняющий ее международный договор, разработанный в рамках ВОИС. ДАП вводит охрану двух новых категорий: компьютерных программ, независимо от способа и формы их выражения; компиляций данных

или другой информации (баз данных), представленных в любой форме, при условии, что они представляют собой интеллектуальный труд автора по отбору или расположению содержимого. Устанавливается новое имущественное право — разрешать любое сообщение своих произведений для всеобщего сведения, в том числе для интерактивного доступа, с любого места и в любое время (статья 8) [2]. В соответствии с Согласованным заявлением к ст. 1(4) Договора ВОИС по авторскому праву было установлено, что «хранение произведения в цифровой форме в электронном средстве связи представляет собой воспроизведение в смысле ст. 9 Бернской конвенции». Это означает, что без согласия автора помещение в телекоммуникационную сеть объектов их прав недопустимо, поскольку оно рассматривается как воспроизведение. Такое же положение было включено в Согласованное заявление по ст. 7, 11 и 16 Договора ВОИС по исполнению и фонограммам [3]. Договоры вводят новые правовые механизмы защиты прав авторов на их произведения (речь идет о технических средствах защиты — DRM) и разъясняют обязательства в отношении информации об управлении правами. Под информацией об управлении правами понимают информацию, которая идентифицирует произведение автора произведения, обладателя какого-либо права на произведение, исполнителя, производителя фонограммы, фонограмму и т.д. в целях обеспечения охраны авторских прав, прав исполнителей и производителей фонограмм. Информация об управлении правами может содержать цифры или коды, в которых представлена такая информация. Размещение информации об управлении правами производится только по желанию самого автора, исполнителя или производителя фонограмм. Такая информация может содержаться и в скрытой форме, что позволяет предотвратить ее обнаружение и удаление лицом, нарушающим авторские и смежные права.

Между тем, по мере цифровизации экономики и роста значения программных продуктов, международное законодательство продолжает сталкиваться с трудностями из-за возникновения новых объектов интеллектуальной собственности. Сегодня в числе новых объектов ИС называют биологические изобретения, нанотехнологии, технологию блокчейн, зеленые технологии, 3D-печать и аддитивное производство, автономные транспортные средства и решения в области мобильности, квантовые вычисления, робототехнику и автоматизацию и многие другие инновации [4]. Одним из наиболее актуальных вызовов современного этапа развития права интеллектуальной собственности является правовой статус контента, созданного с использованием искусственного интеллекта. Существующие международные договоры в большей степени ориентированы на охрану прав физических лиц (авторов, исполнителей, правообладателей) и не содержат четко сформулированных норм, регулирующих создание произведений ИИ. Вопрос о том, может ли продукт деятельности искусственного интеллекта рассматриваться как объект авторского права и кому в этом

случае принадлежат исключительные права, остается открытым и требует выработки согласованных международных подходов. Отсутствие единых правовых решений в данной сфере уже приводит к правовой неопределенности, что создает риски для коммерциализации ИИ-контента, трансграничного обмена данными и защиты интересов как разработчиков, так и пользователей таких технологий. Проблема, кому принадлежат доходы от произведений, созданных искусственным интеллектом, на практике решается следующим образом — на этом этапе деньги, полученные от продажи подобных произведений, получает тот, кто контролирует процесс и принимает творческие решения. То есть субъекты гражданского права — физические и юридические лица. Лондонский художник турецкого происхождения Мемо Актен стал одним из первых, кто продал созданную искусственным интеллектом картину: в 2016 году его работа была реализована за 8000 долларов на благотворительном аукционе, организованном компанией Google в Сан-Франциско. Спустя два года аукционный дом Christie's объявил о продаже своего первого произведения, созданного ИИ, — «Портрета Эдмонда Белами», созданного парижским коллективом Obvious. Ожидаемая выручка от продажи оценивалась в сумму от 8000 до 11500 долларов [5].

Значимым судебным прецедентом в области создания ИИ-контента стало дело, рассмотренное в Китае в 2019 году. Истцом выступила компания Shenzhen Tencent Computer System Co., Ltd., а ответчиком — Shanghai Yingxun Technology Co., Ltd. Спор касался статьи, автоматически сгенерированной в августе 2018 года программным обеспечением Dreamwriter, разработанным истцом. Материал был посвящен обзору Шанхайского фондового рынка. Dreamwriter, используя алгоритмы сбора и анализа, сформировал структуру и содержание текста в соответствии с заданными параметрами и предпочтениями разработчиков. Ответчик разместил в сети аналогичную по заголовку, содержанию и структуре статью. Народный суд округа Наньшань, опираясь на ст. 2 и 3 Имплементирующего регламента к Закону КНР об авторском праве, установил, что материал обладает признаками оригинальности и является результатом интеллектуального вклада, пусть и с применением ИИ. Суд подчеркнул, что финальный результат зависел от выбора команд и параметров, заданных человеком. В результате статья была признана охраняемым объектом авторского права как письменное произведение. Таким образом, суд встал на сторону признания авторских прав за искусственным интеллектом [6]. В Великобритании существует совершенно иной подход к регулированию прав искусственного интеллекта. Законодательство Великобритании учитывает возможность создания произведений с участием ИИ, однако не признает ИИ автором. Согласно Закону об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года, автором произведения признается лицо, которое предприняло необходимые меры для его

создания. В случаях, если произведение было сгенерировано машиной или программным обеспечением без прямого участия человека в каждом этапе творческого процесса, срок охраны авторских прав на такое произведение составляет 50 лет с момента создания произведения, а не 70 лет со дня смерти автора, как это принято в отношении традиционных произведений. Несмотря на возможность охраны произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, в британской практике по-прежнему применяется традиционный критерий авторства, согласно которому произведение должно быть «собственным интеллектуальным творением автора». Это означает, что оно выступает как результат свободного и творческого выбора, отражающий индивидуальность и оригинальность подхода.

Стоит отметить, что не все страны готовы предоставить защиту прав авторства на произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта. Например, в ФРГ такие произведения не признаются объектами авторских прав и не считаются идентичными произведениям искусства, литературы или науки. В Австралии решение австралийского суда по делу *IceTV Pty Limited v Nine Network Australia Pty Limited* HCA 14 (22 April 2009) завершилось отказом в защите авторских прав ИИ [7].

На вопрос о том, кому присваивать права на произведения, созданные искусственным интеллектом, исследователи отвечают неоднозначно. Как утверждает Андраэ Мориग्ги, одной из ключевых задач права интеллектуальной собственности является предоставление создателю произведения или изобретения возможности получать экономическую выгоду от его использования другими лицами. Искусственный интеллект не имеет и не может иметь подобной потребности. Исследователь также считает, что переход работ, создаваемых искусственным интеллектом, в общественное достояние может лишить инвесторов экономических стимулов [8]. Еще в 1982 году Тимоти Батлер писал, что суд обладает четырьмя возможными путями признания авторских прав: полностью отказаться от наделения ИИ авторскими правами; наделить авторскими правами систему искусственного интеллекта либо распределить эти права между системой и человеком; распределить авторские права между правообладателем базового программного обеспечения и владельцем компьютера; создать вымышленного автора — человека и передать его авторские права правообладателю базового программного обеспечения или владельцу компании [9]. И.С. Лазаревич резюмирует, что «современное развитие технологий указывает на отсутствие у ИИ правосубъектности ввиду его зависимости от волеизъявления человека при генерировании текста, изображений, музыки, что позволяет сделать вывод о том, что право авторства и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с применением технологий ИИ, целесообразно закрепить за титульным владельцем (пользователем либо создателем)» [10]. На наш взгляд, в силу того, что человек все же

принимает участие в создании произведений с помощью искусственного интеллекта, право авторства следует закрепить за пользователем — физическим лицом, который инициировал создание результата интеллектуальной деятельности, разработал концепцию, дал ИИ конкретные инструкции и осуществлял контроль над результатом этой деятельности.

Список использованных источников:

1. Джаниев, В.Б. Тенденции международно-правового регулирования сферы охраны объектов интеллектуальной собственности / В.Б. Джаниев // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов: сб. материалов XXV Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург. — СПб., 2023. — С. 296–300. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=59936889> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Договор ВОИС по авторскому праву, 20 декабря 1996 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 02.03.2026).
3. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам, 20 декабря 1996 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 01.03.2026).
4. Мехмонов, К.М. Новые объекты промышленной собственности / К.М. Мехмонов // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: электрон. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Новополюцк, 26 мая 2023 г. / Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, Регион. учеб.-науч.-практ. юрид. центр; редкол.: В.А. Богоненко (отв. ред.) [и др.]. — Новополюцк: Полоц. гос. ун-т им. Евфросинии Полоцкой, 2023. — С. 83–99. — URL: <https://elib.psu.by/handle/123456789/41611> (дата обращения: 03.03.2026).
5. Кто должен получать деньги при продаже произведения искусства, сотворенного ИИ? // Хабр. — URL: <https://habr.com/ru/articles/425551> (дата обращения: 03.03.2026).
6. Погорелова, В.М. Авторские и смежные права на произведения, созданные искусственным интеллектом: кого признавать автором / В.М. Погорелова, А.А. Акулян, В.С. Раменская // Весенние дни науки: сб. докл. Международной конференции студентов и молодых ученых. — Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2023. — С. 1333–1335. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/125675> (дата обращения: 01.03.2026).
7. Васильева, А.С. К вопросу о наличии авторских прав у искусственного интеллекта / А.С. Васильева // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2022. — № 4(38). — С. 107–116. — URL: <https://ipcmagazine.ru/articles/1729119/#2> (дата обращения: 03.03.2026).
8. The Role of Intellectual Property in the Intelligence Explosion // 4iP Council. — URL: https://www.4ipcouncil.com/application/files/9615/1638/1031/The_Role_of_Intellectual_Property_in_the_Intelligence_Explosion.pdf (date of access: 03.03.2026).
9. Морхат, П.М. Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте искусственного интеллекта / П.М. Морхат // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. — 2018. — № 1. — С. 65–69. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-prava-intellektualnoy-sobstvennosti-v-kontekste-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-statya> (дата обращения: 05.03.2026).
10. Лазаревич, И.С. К вопросу об охране творческого труда человека и развитии искусственного интеллекта / И.С. Лазаревич; науч. рук. Д.Н. Николичев // XVIII Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 25 окт. 2024 г. / Вит. гос.ун-т; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.] — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — С. 380–381. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/44837?locale=ru> (дата обращения: 05.03.2026).